

ЧЕЛОВЕК В ТЕКСТОВЫХ ПРОСТРАНСТВАХ

Татьяна Артемьева

Проблемы интеллектуальной коммуникации: люди и тексты*

Проблемы различных видов, типов, способов социальной коммуникации, осмысление этого процесса и анализ результата являются одними из самых востребованных в современной науке. Само понятие имеет довольно широкую амплитуду колебаний от достаточно четкого социологического термина до метафоры, обозначающей не только межсубъектное «общение вообще», но и сам процесс обращения идей в виде знаний, мнений, различного рода информации по сложной инфраструктуре культуры.

Как справедливо отметил Никлас Луман, говоря об «имманентной невероятности» коммуникации, непонятно, как вообще можно говорить о коммуникации, раз каждый из ее компонентов (информация, сообщение, понимание) является случайным, необязательным и неоднозначным. Тем менее понятно, как можно говорить об «интеллектуальной коммуникации» как движении идей, в данном случае – философских. Но ведь мы точно знаем, что идеи не только возникают, но и искажаются и(или) усваиваются учениками, опровергаются недругами, воплощаются в жизнь последователями. Как же это происходит? Как же вообще движутся идеи? И возможно ли это в принципе?

* Исследование поддержано грантом РГНФ 07-03-00601а.

Это также может прояснить вопрос о дисциплинарном, теоретическом и историческом статусе философии. Что именно подвергается изменчивости, а что остается неизменным в суждении тех или иных философских вопросов? Является ли история философии исторической или философской дисциплиной? Соответствует ли философскому дискурсу определенный вид или тип текста? Что вообще представляет из себя философский текст? Почему не меняется тематика философских рассуждений? Что делает актуальными размышления мыслителей двухтысячелетней давности и нестерпимо устаревшими взгляды старших современников? Насколько индивидуализированным является такой текст, является ли он ответом на «вызовы времени» или выражением индивидуальной потребности размышляющей личности?

Коммуникация читателя с автором происходит обычно через текст. И то, насколько адекватно, полно, актуально будет прочитан текст, зависит не только от автора, но и от читателя. Читатель может уничтожить текст, не удостоив его своего внимания, может вычитать из него гораздо больше, нежели туда было вложено автором, может не понять или исказить. Невозможно только одно — адекватное восприятие и точная передача, то есть полная идентификация с автором. Отождествление себя с автором не только нерационально, как интеллектуальное клонирование (зачем нужны толпы напичканных цитатами умников, которые не в состоянии породить собственную мысль, когда любой может и сам прочитать любимых классиков?), но и невозможно теоретически, ибо в отличие от физического двойника, двойник-идея тотчас же соединится с основной идеей. Так была бы заметна тень тени на самой этой тени.

Текст может послужить также не *источником информации*, а своеобразным *катализатором* новых идей, его чтение быть *медитативной техникой*, побуждающей читателя к размышлениям, *провокативным стимулом*, заставляющим опровергать «неверные» положения и формулировать «истинные». В данном случае речь идет о самоценности интеллектуальной коммуникации, порождающей нечто отличное от обмена информацией, а именно — *новое знание*.

Почему же возникает потребность в такой коммуникации, ведь очевидно, что далеко не всегда она проистекает из потребности узнать что-то *новое*, иногда она связана скорее с желанием это *новое* сообщить или создать.

Читая Платона, Аристотеля или Спинозу, мы совершаем акт *темпоральной коммуникации*, так как воспринимаем идеи прошлого, но в то же самое время это и *актуальное коммуницирование*, ибо именно обстоятельства настоящей нашей жизни (даже если мы просто готовимся к лекции) заставляют нас искать чего-то в Спинозе или Платоне. Можно читать Платона по-гречески, можно в переводе. Можно вычитывать Платона из текстов и комментариев, скажем, А.Ф.Лосева, не обращаясь к текстам самого Платона вовсе. Все это *опосредованная интеллектуальная коммуникация*, и некорректно было бы заявлять, что какая-либо из перечисленных более или менее адекватна. Как мы лучше разглядим милые черты — на фотографии или же чуть различимыми на скрывающемся из глаз морском берегу?

Актуальной коммуникации может быть противопоставлена также потенциальная, как не состоявшаяся, но возможная, она направлена в будущее и может пережить автора. Непрочитанные рукописи находят своего читателя и через много лет и становятся достоянием общества. Не всякая потенциальная коммуникация может осуществиться. *Тупиковая коммуникация* представляет собой не могущее быть прочитанным послание и исчезает в пламени небытия вместе с рукописью второго тома «Мертвых душ».

Коммуникация может носить *условный* характер. Так сближение или сравнение концептуальных моделей разных мыслителей исследователем или потребителем их творчества предполагает *гипотетический диалог* текстов, не могущий реализоваться в *социальной практике* коммуникации, но вполне возможный в ее *интеллектуальном* измерении.

Коммуникация может быть *симметричной* или *асимметричной*, предполагая равнозначный или неравнозначный обмен идеями. Интеллектуальная коммуникация совсем не обязательно носит *иерархический* или *поучающий* характер. Есть тысяча причин читать те или иные книги, каждая из которых может быть весьма далекой от желания чему-то из них научиться или научиться совсем не тому или не совсем тому, что в них написа-

но. Так в далекие советские времена большой популярностью пользовались книги, посвященные критике современного буржуазного искусства, так как это был практически единственный способ о нем хоть что-то узнать.

В зависимости от того, в какой круг общения собирается вступить читатель, тексты могут носить идеологический, литературный или философский характер. Таким образом, *интеллектуальная коммуникация* не только передает информацию, но и формирует (или поддерживает) некое *интеллектуальное сообщество*. В определенном смысле все типы сообществ основаны на разных типах коммуникаций, однако в данном случае нас интересуют лишь *интеллектуальные коммуникативные сообщества*.

Такие сообщества обычно имеют сетевую структуру, существующую независимо от привязок их членов к определенной системе государства, общества, их национальной, половой и возрастной принадлежности. *Содержание* коммуникации в данном случае имеет второстепенную роль, более того, слишком высокий уровень *оригинальности* текстов, пусть это будет даже *исключительность* и *гениальность*, используемых в качестве *коммуникационных посланий*, лишь затрудняет коммуникацию, так как делает ее нестандартной.

Таким образом, *интеллектуальная коммуникация* необходима, прежде всего, для формирования и поддержания *интеллектуального сообщества*. Именно этому способствуют циркулирующие внутри нее тексты, имеющие форму переписки, книг и статей, публичных выступлений или же частных разговоров. Этот тип коммуникации формирует общепринятый для данного сообщества язык, тип поведения, систему ценностей, организуя *сетевую структуру*. Одним из ярких исторических примеров может служить понятие *invisible college* (невидимый колледж), введенное Робертом Бойлем, и обозначавшее *неформальную* группу ученых, образовавших позже Лондонское Королевское общество. Невидимый колледж был противопоставлен «видимому», или организованным группам ученых, существовавшим при британских университетах.

Другой пример — *La République des Lettres* (Республика ученых) тип виртуального междисциплинарного сообщества интеллектуалов Нового времени, связанного лишь системой комму-

никации. Это сообщество не было противопоставлено социализированной системе научных сообществ, а иногда, как это было в XVII–XVIII вв., предвляло или поддерживало существующую систему научных институтов. Иногда бывало и наоборот, когда сам научный институт поддерживал существование виртуально-го сообщества, как это было, например, с Петербургской академией наук, оплачивавшей корреспонденцию своих сотрудников и тем самым способствовавший активизации переписки.

Особый тип коммуникационного сообщества представляет собой дворянская культура, например, российское дворянство эпохи «длинного XVIII века», поддерживающая свою однородность вне зависимости от того, где находились ее отдельные представители — в военном походе за границей, в отдаленной усадьбе, при дворе или в столице.

Сегодня сетевая коммуникация осуществляется в значительной степени с помощью Интернета, что значительно повысило плотность интеллектуальных пересечений и сделало доступным возникновение сложных сетевых структур, состоящих как из крупных сообществ, так и из ограниченного круга единомышленников. Возможно, именно образ современного сетевого сообщества оформил модель, с помощью которой легче понять сетевую систему связей в прошлом, сделав ее одним из направлений исследований истории идей.

В исторической науке существуют различные методологические подходы, позволяющие выявить закономерности и особенности развития общества и культуры. Среди популярных ныне стратегий можно выделить «антропологию современного мира», «новую биографическую историю», «историческую антропологию», «исследование ментальностей», историю повседневности, новый историзм, *мега-макро-* и *микро*историю. Обращение к прошлому через призму небольшого сообщества, семьи, личности позволяет сохранить определенную цельность и гуманистический, характер такого восприятия, когда познающий субъект не расчленяет свою эпистемологическую природу, концентрируя усилия на конкретных событиях и выявляя каузальные связи между обозримыми фактами.

Если в интеллектуальной истории обращение к «микрообъектам», которыми могут служить отдельный текст или конкретный аспект деятельности *простого* человека из прошлого, дав-

но оправдан, то в философии, до сих пор основывающейся на авторитете гегелевской парадигмы и обращенной лишь к анализу *нетленных текстов великих мыслителей*, он считается чуть ли не ересью. Однако без осмысления «фоновых» фигур и текстов, принадлежащих к «философской повседневности», мы вряд ли сможем выявить *магистральные направления, вершины или тенденции*.

История философии давно выделила и почти канонизировала определенный набор базисных текстов и фигур от Фалеса до Деррида, который служит основанием для методологических выводов и теоретических заключений относительно особенностей ее развития. При этом молчаливо предполагается, что каждый из текстов представленных мыслителей является наилучшим воплощением философской мысли своего времени. Этот подход, описанный Р.Рорти как доксографический¹, уже давно перестал приносить научные плоды, хотя активно используется в преподавании.

Современное видение философского процесса выделяет *коммуникационные связи* философов и обстоятельства их личной жизни как важный фактор позиционирования и освоения их теоретических программ². Таким образом, предлагается переход от *коммуникации текстов* к *коммуникации личностей*. Тексты, в свою очередь, лишь описывают этот процесс, вовлекая в процесс коммуникации других людей, что порождает новые тексты.

Анализируя интеллектуальную историю, Р.Коллинз отмечает одновременно значимость индивидуального творчества и сетевого взаимодействия, помещая движение идей в пространство *человеческого общения*. Он отмечает, что история философии есть в значительной степени история социальных или межпоколенных сетей, создающих интеллектуальное поле, в ареале действия которого зарождаются, реализуются или распространяются те или иные идеи. Именно они создают то «структурное поле сил, в котором и происходит интеллектуальная деятельность»³. Коллинз отмечает: «Группа присутствует в сознании индивида, даже когда он один: для индивидов, являющихся творцами исторически значимых идей, именно это *интеллектуальное* сообщество является первостепенным, когда он(а) находится в одиночестве»⁴.

Стремление к репрезентативности концентрирует внимание на социальных аспектах философского познания, а обобщение выводит из сферы уникального. Микроуровень теоретического исследования, можно назвать это *микроисторией философии*, по аналогии с *микроисторией*⁵, не означает просто смену масштаба, он позволяет сформировать новую стратегию и методологию. Так, например, он является необходимой предпосылкой *персонологического* подхода, предполагающего исследование ментальности эпохи через призму отдельных представителей интеллектуальной элиты. Микроанализ позволяет обратить внимание на маргинальные пространства, обычно находящиеся в тени традиционных исследовательских объектов, которыми могут стать не только теоретические (философские) тексты, в том числе хранящиеся в рукописи, но и весь комплекс интеллектуальных межличностных коммуникаций, связанных с организацией теоретических исследований и создания творческой атмосферы в обществе. Не всегда креативные и глубокие люди писали тексты, однако часто именно благодаря им эти тексты были написаны. Микроистория философии дает широкие возможности для формирования новых жанров и подходов, она «вычитывает» мировоззренческие смыслы в равной степени и из текстов и из поступков, бережно используя сохранившиеся исторические фрагменты. Именно этот уровень может дать исследователю свидетельства того, что движение мысли в потоке истории не имело линейной строгости, а развивалось путано, противоречиво, *субъективно*, иногда вопреки общим тенденциям и закономерностям. Однако именно оно может прояснить некоторые особенности индивидуализированного мыслительного процесса и дать материал для более точных обобщений.

Подход с точки зрения анализа *микроинтеллектуальной* коммуникации становится особенно важным, когда речь идет о неакадемических типах философствования, предполагающих отсутствие принятых в этом сообществе понятийных норм и «трактатных» традиций оформления текстов. Особая потребность в таком подходе возникает, когда объектом анализа становится общество с нестандартными академическими коммуникационными структурами, например Россия эпохи Просвещения.

щения. Парадоксальны характеристики этой эпохи, получившей название «философского века». Ее представители не упоминаются в представительных «историях философии», и даже отечественные исследователи характеризуют ее исключительно как эпоху усвоения западноевропейских философских влияний. Теоретические взгляды мыслителей обычно не удостоиваются не только сколь бы то ни было тщательного анализа, но даже и внимательного прочтения. Отказ от *теории влияний*, носящей в данном контексте и явно негативную коннотацию, и использование теории *интеллектуальной коммуникации*, позволил бы сделать исследование данной эпохи более продуктивным. Интеллектуальная элита в данном сообществе представлена главным образом представителями просвещенного нобилитета, а интеллектуальные контакты этого слоя часто пребывали в социально-политическом контексте их деятельности, нося порой подчеркнуто персонологический характер.

Для адекватного понимания неакадемической культуры важно изучение интертекстуальных взаимодействий и *коммуникационных полей*, демонстрирующих ситуацию порождения *контекстов* как взаимодействия *людей* и *текстов*. Как и в эпоху постмодернизма, тексты могли быть неотделимы от человеческой судьбы и непонятны без интеллектуальной биографии автора. Это делает плодотворным применение метода *нового историзма*, определяемого А.Эткиндром как «историю не событий, но людей и текстов в их отношении друг к другу»⁶. Предлагаемая им методология сочетает интертекстуальный анализ, дискурсивный анализ, размыкающий границы жанра, и биографический анализ⁷.

Дворянские просветители могли быть активнее в распространении знания, чем профессиональные преподаватели. Очень часто целью научных занятий последних были самоидентификация и служебная карьера, поэтому на первом месте стояло не достижение нового, а самореклама. Дворянину, напротив, неловко было демонстрировать свою причастность к научным изысканиям, чаще всего он делал это бескорыстно, «из любви к искусству».

Если интеграция других сословий, основа их внутреннего единства, заключалась, прежде всего, в одинаковости условий жизни и труда, то для сохранения однородности дворянства

требовались активные средства общения, поддерживающие его этос, идеологию, мировоззрение. Поэтому адекватной стратегией исследования этого мировоззрения должен быть не социально-антропологический, а историко-персонологический подход, когда объектом становится не собирательный образ, не «личность как таковая», а вполне определенный, конкретный персонаж с индивидуально особенными чертами, связями и социальным статусом. Именно представители дворянства в силу своего происхождения и социальной востребованности могли занимать в обществе уникальную роль и оказывать на него решающее воздействие в кульминационные моменты развития. Это, прежде всего, дворянство «высшего эшелона», составляющее костяк правящей элиты и в значительной мере совпадающее с элитой интеллектуальной. Такое совпадение было обусловлено возможностью получения хорошего образования, определенным уровнем кругозора, связанным с жизнью в столицах и интернациональными коммуникациями, а также особым типом организации «вершины» социума самодержавной страны, где любой успех был связан с личными достоинствами, связями, может быть даже интригами. Наиболее ярко значимость личных качеств продемонстрировал социальный институт фаворитизма.

Эпоха Просвещения, как и любая другая, относится к числу идеологических, нагруженных оценочно-маркировочной интерпретацией конструкций. Если «темной ночи» Средневековья противопоставлена карнавальная культура, подмечена «обратная сторона» возрожденческого титанизма, то Просвещение только начинает освобождаться от гнета мифологических напластований⁸. Однако это касается, прежде всего, западного Просвещения, которое в значительной степени отличается от феномена с тем же названием в России. Главное отличие заключается в субъекте просветительской деятельности, «просвещенном типе личности», каковым в России являются представители дворянства, а в Европе «третьего сословия». В России в «школьной» дихотомической модели «учителя-ученика» звание «учителя» было не столько благоприобретенным, сколько переданным по наследству, сословным. Позже оно перешло к интеллигенции, также начинающей подсчитывать поколения предков.

В случаях подобных этому от мифологических заблуждений может избавить только знание материала. Булавочные уколы фактов могут привести в небытие огромную, но «дутую» конструкцию. Персонологический уровень, предшествующий по уровню обобщения философско-антропологическому, является, на наш взгляд, необходимым этапом исследования.

Примечания

- ¹ *Рорти Р.* Историография философии: четыре жанра. (The Historiography of Philosophy: Four Genres // Philosophy in History (Ed. by R.Rorty, J.V.Schneewind and Q.Skinner). Cambridge, 1984) Цит. по: <http://www.philosophy.ru/library/russell/01/07.htmW31>
- ² *Коллинз Р.* Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.
- ³ Там же. С. 52.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Гинзбург К.* Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. М., 2000. См. также: *Ревель Ж.* Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. М., 1996.
- ⁶ *Эткинд А.М.* Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. 2001. С. 4.
- ⁷ Там же.
- ⁸ См., например, книгу М.Хоркхаймера и Т.Адорно «Диалектика просвещения» (М.—СПб., 1997).